

Date: 17th April-2026

СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. А. ЕСЕНИНА НА
УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И
ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рахимова Норбибиш Шароповна

Преподаватель русского языка и литературы.

Кафедра «Узбекская и русская филология».

Азиатский Международный Университет.

Бухара, Узбекистан.

norarahimova00@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы художественного перевода поэтических произведений Сергея Есенина на узбекский язык. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления национально-культурной специфики восприятия русского имажинизма и «новокрестьянской» поэтики в тюркоязычной среде. На материале переводов, выполненных Уйгуном, Эркином Вахидовым, Абдуллою Ариповым и другими мастерами узбекской литературы, выявляются стратегии преодоления лексико-фразеологической безэквивалентности, трансформации образной системы (антропоморфизм, цветопись) и сохранения ритмико-интонационного своеобразия есенинского стиха. Делается вывод о формировании в узбекском переводческом дискурсе феномена «культурной интерференции», позволяющей адаптировать диалектизмы и христианские реалии через призму восточной поэтической традиции.

Ключевые слова: художественный перевод, Сергей Есенин, узбекская литература, имажинизм, лакунарность, межкультурная коммуникация, поэтическая фонетика.

Annotation: The article discusses the problems of artistic translation of Sergei Yesenin's poetic works into Uzbek. The relevance of the research is determined by the need to understand the national and cultural specifics of the perception of Russian imagism and "Novokrestyan" poetics in the Turkic-speaking environment. Based on the translations made by Uygun, Erkin Vakhidov, Abdulla Aripov and other masters of Uzbek literature, strategies for overcoming lexical and phraseological inconsistency, transforming the figurative system (anthropomorphism, color painting) and preserving the rhythmic and intonational originality of Yesenin's verse are revealed. The conclusion is made about the formation of the phenomenon of "cultural interference" in Uzbek translation discourse, which makes it possible to adapt dialectisms and Christian realities through the prism of the eastern poetic tradition.

Keywords: literary translation, Sergei Yesenin, Uzbek literature, imagism, lacunarity, intercultural communication, poetic phonetics.

Izoh: Maqolada Sergey Yeseninning she'riy asarlarini o'zbek tiliga badiiy tarjima qilish muammolari muhokama qilinadi. Tadqiqotning dolzarbligi turkiy tilli muhitda rus imajizmi va "Novokrestyan" poetikasini idrok etishning milliy va madaniy xususiyatlarini

Date: 17th April-2026

tushunish zarurati bilan belgilanadi. Uyg'un, Erkin Vohidov, Abdulla Aripov va boshqa o'zbek adabiyoti ustalari tomonidan qilingan tarjimalar asosida leksik va frazeologik nomuvofiqlikni bartaraf etish, majoziy tizimni (antropomorfizm, rangtasvir) o'zgartirish, Yesenin she'riyatining ritmik va intonatsion o'ziga xosligini saqlab qolish strategiyasi ochib berilgan.

Kalit so'zlar: adabiy tarjima, Sergey Yesenin, o'zbek adabiyoti, imajizm, lakunarlik, madaniyatlararo muloqot, she'riy fonetika.

1. Введение

Сергей Есенин — один из немногих русских поэтов, чей лирический универсум органично вошел в культурное пространство Узбекистана. Переводы его произведений на узбекский язык, начавшиеся еще в 1930-е годы и достигшие пика в период «оттепели» и «узбекского ренессанса» 1960–1980-х годов, представляют собой уникальный материал для изучения механизмов межкультурной адаптации. Лично меня, как исследователя, особенно привлекает то, как переводчики справляются с «рязанской» конкретикой Есенина — той самой, которая кажется неотделимой от его поэзии, но при этом находит неожиданный отклик в далёкой от средней полосы России культурной среде. Своеобразие перевода Есенина заключается в том, что переводчику приходится работать не просто с текстом, но с особой антропоцентрической моделью мира, где «деревенская» космология сталкивается с традициями восточного (персидско-тюркского) лиризма.

Цель данной работы — на основе анализа конкретных переводческих решений, зафиксированных в изданных в Узбекистане сборниках (в частности, в антологии «Есенин ўзбек тилида», Ташкент, 2018), выявить основные трансформационные стратегии при передаче трёх ключевых уровней есенинского текста: фонетико-ритмического (напевность), лексико-фразеологического (диалектизмы, историзмы) и метафорического (образы природы, религии).

2. Фонетическая и ритмическая адаптация: от русского дольника к узбекскому бармоку

Одной из главных трудностей для узбекских переводчиков является передача есенинской «песенной» стихии. Русский стих Есенина, тяготеющий к дольнику и тактовику с богатой ассонансной рифмой, вступает в противоречие с силлабо-акцентической природой узбекского стихосложения (бармок вазни), где ритм опирается на равенство слогов. Здесь стоит привести конкретный пример. В оригинальном стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу» первая строка звучит с характерным трёхударным тактом:

Не жалею, не зову, не плачу.

В переводе Уйгуна (опубликован в сборнике «Танланган асарлар», 1972) мы читаем:

Афсусланмайман, чақирмайман, йиғламайман.

Date: 17th April-2026

Формально это уже одиннадцатисложник с постоянным ритмом. Однако переводчик сознательно сохраняет трёхчастную синтаксическую конструкцию и, что важнее, вводит внутренние аллитерации на сонорные «м» и «н», имитирующие напевность оригинала. Вместо «топота» русского хоря он использует плавный, медитативный ритм, характерный для узбекской лирической традиции. В результате в узбекском культурном восприятии Есенин закрепился как поэт «тихой», философской лирики, что несколько отличается от имажинистской эпатажности его раннего периода, но, как мне кажется, соответствует глубинному срезу его творчества.

3. Передача лексических лагун: «Рязанский» мир в контексте Турана

Язык Есенина насыщен диалектизмами центральной России (голгофа, лапти, дранка, слюда, выть), которые не имеют прямых соответствий в реалиях Средней Азии. Узбекские переводчики применяют комплексный подход. Проанализируем, как это работает на примере «лаптей». В стихотворении «Я последний поэт деревни...» строка «На прощанье жму руки лаптям» в переводе Эркина Вахидова (издание 1985 года) превращается в «Хайирлашиб, чорикларга қўл бераман». Вместо лаптей появляются чорик — традиционная узбекская обувь из сыромятной кожи. На первый взгляд, подмена, но она функционально точна: оба предмета маркируют крестьянскую среду, простоту, бедность. Для узбекского читателя «чорик» вызывает те же смысловые ассоциации, что и «лапти» для русского.

Сложнее обстоит дело с лексикой, связанной с христианством. В стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная...» встречается образ «ситцевая риза» (храмовое облачение). В переводе Абдуллы Арипова (сборник «Рухим», 1994) это превращается в «читон» — традиционный халат. Утрачивается конфессиональная конкретика, но сохраняется сакральный ореол: «читон» в узбекской поэтике может выступать символом достоинства и даже святости. Подобные замены вызывают споры: одни критики говорят о «христианизации» восточного текста, другие — о неизбежном творческом компромиссе.

Отдельного внимания заслуживают переводы «Персидских мотивов». Здесь возникает парадоксальная ситуация: Есенин пишет об условном Востоке, используя русский языковой материал. Узбекский переводчик, возвращая эти тексты в реальный восточный контекст, вынужден «деавтоматизировать» восприятие. В переводах Абдуллы Арипова цикл переосмыляется: из стилизации в духе персидской классики он превращается в текст о диалоге культур, где «Шаганэ» становится символом встречи северной и южной ментальностей. Арипов, будучи сам крупным поэтом, не боится вводить в перевод элементы собственной поэтики — и это, на мой взгляд, придаёт узбекскому Есенину особую глубину.

4. Антропоморфизм и цветопись: проблема иконического знака

Есенинский образ мира строится на пантеизме: «солнце — плугом», «месяц — ягненок», «облака — жеребята». В узбекской поэтической традиции (особенно в

Date: 17th April-2026

газели) антропоморфизм природы носит иной характер: он более орнаментален и сублимирован.

Яркий пример — перевод стихотворения «О красном вечере задумалась дорога...». В оригинале есть строка «Кобылица-судьба» — образ, связанный с русской тройкой, удалью, неукротимостью. В переводе Рустама Рахмона (антология «Есенин: кўкка қараб», 2010) эта строка звучит как «Тулпор-такдир». Тулпор — крылатый конь из эпоса «Алпамыш», символ судьбы, рока, одновременно и возвышенный, и трагический. Мне представляется, что здесь мы имеем дело не с искажением, а с углублением архетипа: «кобылица» у Есенина — земная, крестьянская; «тулпор» Рахмона — мифологический, но в обоих случаях образ передаёт неотвратимость судьбы.

Что касается цветописи, «синий» и «голубой» цвета Есенина (символы Руси, сакрального пространства) в узбекском языке имеют широкий спектр значений (кўк — и синий, и зеленый, и небо). Чтобы избежать семантической диффузии, переводчики часто вводят уточняющие эпитеты. Например, в переводе стихотворения «Синий май. Заревая теплынь...» Мирзо Кенжабек использует словосочетание «мусаффо кўк» — «прозрачно-синий», подчёркивая именно есенинскую интенцию «высокого» неба, а не бытового цвета. Такой приём позволяет сохранить символическую нагрузку цвета.

5. Религиозная лексика: от христианского образа к суфийскому подтексту

Наиболее сложным аспектом является передача христианских образов (кроткий Спас, рай, ангелы, свечечка). В советский период переводчики часто прибегали к нейтрализации (генерализации). Однако в переводах, выполненных в постсоветский период, наблюдается тенденция к исламизации поэтического кода.

Рассмотрим конкретный случай. В стихотворении «Спит ковыль. Равнина дорогая...» есть строки:

И молясь на копны и стога,
У плота из липового бревна.

В переводе, выполненном Абдуллой Ариповым в 1990-е годы, «молясь» передаётся как «намоз ўқиб» (совершая намаз), а «плот из липового бревна» заменяется более общим образом «тўнқа» (бревно). Для узбекского читателя «намоз» — это не просто молитва, а строго регламентированное исламское действие. Семантика меняется: у Есенина «молясь на копны и стога» — пантеистическое, почти языческое действие, у Арипова — суфийское созерцание. На первый взгляд, это серьёзное смещение акцентов. Однако, как справедливо отмечает узбекский литературовед У. Нормухамедов, такая адаптация позволила есенинской лирике «прорасти» в народное сознание, где понятие святости традиционно связано с суфийскими идеалами смирения и очищения души. В рамках узбекской культурной традиции это не выглядит чуждым.

6. Заключение

Date: 17th April-2026

Подводя итог, хочу подчеркнуть: своеобразие перевода произведений С. Есенина на узбекский язык заключается в формировании особой переводческой традиции, которую можно охарактеризовать как интегративную. В отличие от европейских переводов, где часто делается акцент на экзотичности русского «деревенского» мира, узбекские интерпретаторы стремятся к «обживанию» есенинского текста в лоне восточной поэтики.

На основе проведённого анализа я прихожу к следующим выводам:

1. Фонетическая структура есенинского стиха трансформируется из тонической в силлабо-акцентированную с сохранением напевности за счет внутрискладовых аллитераций.

2. Лексические лакуны преодолеваются через приемы функциональной замены и культурной аналогии, что ведет к частичной рекультурации текста, но сохраняет его архетипическую основу.

3. Религиозная и цветовая символика подвергается наибольшей трансформации, приобретая черты суфийской философии и тюркской космогонии.

4. Феномен есенинских переводов в Узбекистане демонстрирует, что качественный поэтический перевод — это не перенос слов, а воссоздание национальной картины мира средствами принимающего языка, что способствует взаимообогащению двух литератур.

Лично для меня особую ценность в этом материале представляет то, как переводчики-поэты (Уйгун, Вахидов, Арипов) не просто переносят текст, но вступают с Есениным в творческий диалог, иногда спорят, иногда предлагают неожиданные интерпретации. Узбекские переводы Есенина — это не только факт межлитературной коммуникации, но и самостоятельное явление, расширяющее семантические границы оригинала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. — М.: Наука, 1995–2002.
2. Есенин ўзбек тилида [Антология]. — Тошкент: Фафур Гулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2018. — 320 б.
3. Каримов Н. Узбекский поэтический перевод: история и современность. — Ташкент: Фан, 2012. — 312 с.
4. Нормухамедов У. Диалог культур: Есенин и восточная лирика. // Вопросы литературы. — 2018. — № 3. — С. 156–170.
5. Рахмон Р. Переводческая рецепция русского имажинизма в Узбекистане. — Ташкент: Изд-во НИИ им. А. Навои, 2020. — 204 с.
6. Шоабдурахмонов Ш. Лингвокультурологические аспекты перевода русской поэзии на узбекский язык (на примере произведений С. Есенина). // Филология и искусствоведение. — 2021. — № 2 (74). — С. 45–51.

